

ЖУРНАЛ
КРИТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ

1993 Выпуск I

ОСНОВАН В АПРЕЛЕ 1957 ГОДА

Учредители Российская Академия наук,
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

СОДЕРЖАНИЕ

XX ВЕК: ИСКУССТВО. КУЛЬТУРА. ЖИЗНЬ

- 3 Н. **АНАСТАСЬЕВ**. Нераспавшаяся связь
- 28 Е. **ДОБРЕНКО**. «Запущенный сад величин» (Менталитет и категории соцреалистической критики: поздний сталинизм)
- 62 Л. **АННИНСКИЙ**. Фридрих Горенштейн: миры, кумиры, хи-меры
- 91 Вяч. Вс. **ИВАНОВ**. Почему Сталин убил Горького?

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

- 135 Ю. **БАРАБАШ**. Сад и вертоград (Гоголевское барокко: на подступах к проблеме)
- 157 А. **ГАЛКИН**. Смерть или бессмертие? (Достоевский против Толстого)

ТЕОРИЯ: ПРОБЛЕМЫ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

- 173 А. **АЛТУНЯН**. Власть и общество. Спор литератора и министра (Опыт анализа политического текста)

ПУБЛИКАЦИИ. ВОСПОМИНАНИЯ. СООБЩЕНИЯ

- 215 Документы свидетельствуют... Из фондов Центра хранения современной документации (ЦХСД). Публикация Т. Домрачевой, Л. Пушкаревой

А. ГАЛКИН

СМЕРТЬ ИЛИ БЕССМЕРТИЕ?

(Достоевский против Толстого)

Ларошфуко, верный своему скептическому рационализму, считал, что думать о смерти бессмысленно хотя бы в силу невозможности ее избежать. **Монтень**, напротив, утверждал, что философствовать — это значит учиться умирать. Больше того, он цитирует поразительный по своей лаконичности афоризм Плиния: «Мгновенная смерть... есть высшее счастье человеческой жизни»¹. Действительно, разве не счастье быть внезапно убитым разорвавшимся ядром, даже не успевая сообразить, что ты **убит**?

Через триста лет другой выдающийся мыслитель, кстати глубоко почитавший и любивший **Монтеня**, — Лев Толстой — как будто случайно опишет смерть от осколка снаряда, когда, вопреки мнению Монтеня, сознание обостренно реагирует на происходящее и гаснет нарочито замедленно, выхватывая из памяти тысячи мелочей, озаряя мгновенным светом вихрь мыслей, образов, поступков:

«Кого убьет — меня или Михайлова? Или обоих вместе? А коли меня, то куда? в голову, так все кончено, а ежели в ногу, то отрежут, и я попрошу, чтобы непременно с хлороформом, — и я могу еще жив остаться. А может быть, одного Михайлова убьет, тогда я буду рассказывать, как мы рядом шли, его убило и меня кровью забрызгало. Нет, ко мне ближе — меня».

¹ М. Монтень, *Опыты*, кн. II, М.—Л., 1958, с. 326.

Если остановиться на страшной мысли, полностью овладевшей сознанием Кириллова, вследствие которой в момент самоубийства он беснуется, истерически хохочет, в порыве животной ярости кусает Петра Верховенского за палец, — если остановиться на мысли о физической смерти Христа, не воскресшего после распятия, то в этой жизни оправданно все: и убийство, и разврат, и надругательство над детьми. «Если Бога нет, то всё дозволено», — по мысли Достоевского. Вот когда «законы природы» оказываются зловещим символом безверия и безнравственности. Они снимают с личности нравственную ответственность. (Рогожин, зарезавший Настасью Филипповну, смотрел на «Мертвого Христа» с его разлагающейся плотью и взращивал в себе идею преступления.)

В чем же смысл человеческой жизни? Какова цель человека на земле? Эти вопросы Достоевский вдруг решает перед гробом первой жены («Маша лежит на столе»). Он мучительно думает над заповедью Христа «возлюби ближнего как себя самого» и записывает: «...высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности, из полноты развития своего Я, — это как бы уничтожить это Я, отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно» (15, 365). Такое безграничное самопожертвование удалось совершить только одному Христу. Человеку, как уверовал Достоевский, необходимо стремиться к этому идеалу. В этом его смысл пребывания на земле и духовный долг перед поколениями.

Правда, по выражению Ивана Карамазова, Христос «был бог. Но мы-то не боги». Оставил ли Христос хоть малейшее указание, как надлежит людям вслед за ним, Спасителем, пройти по духовному пути? Согласно Достоевскому, отвергнув три дьяволова искушения, Христос обрисовал контуры человеческого поведения, наметил три опорных точки, очерчивающие каждому смысл жизни.

Первое дьяволова искушение — «камни превратить в хлебы». Что означает для Достоевского этот символический образ? Сам художник объяснял его в письме к В. А. Алексееву. Злой дух, соблазняя Христа, как бы говорит: «Повели же и впредь, чтоб земля рожала без труда, научи людей такой науке или научи их такому порядку, чтоб жизнь их была впредь обеспечена. Неужто не веришь, что глав-